

А. В. Королёв

КОРОЛЁВ Анатолий Васильевич [24.9.1946, Свердловск] — прозаик, драматург, эссеист, филолог.

Детство и юность прошли в г. Молотове (ныне Пермь). Раннему формированию дарования и худож.-эстетических интересов способствовали мать и книги (сказки, «Три толстяка» Ю. Олеши, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «Маленький оборвыш» Гринвуда и др.). Вместе с тем К. с детства был предельно самостоятелен в своих худож. взглядах и привязанностях. Писать начал рано, с 9 лет: рассказы о пограничниках, пиратах, политизированные сказки, приключенческие романы и т. д. Во время учебы в старших классах школы и позже на филол. ф-те Пермского ун-та создает авангардные иронески и поэмы, «монологи» в прозе и стихах параллельно с рисунками, коллажами, гуашью на картоне. По словам К., его «стиль и дух слов был сразу сформирован». Писателя изначально привлекала не реальность, а вымысел, «играющая сторона бытия». Дебютом в лит-ре К. считает свой «авангардный сюрреалистический» роман «**Дракон**» о кукольной природе мира. Начатый на последних курсах вуза, роман-притча был окончен в армии (1971), в 1974 отослан в ж. «Новый мир». Рецензия Ю. Домбровского была ироничной и одобряющей одновременно: отвергая манеру молодого писателя, рецензент отмечал его дарование и предлагал прислать в журнал что-нибудь еще. Службу в армии К. проходил в дисциплинарном батальоне Уральского военно-

го округа в качестве военного дознавателя. Эстетические увлечения сложной прозой Камю и Кафки, музыкой Бартока и Шенберга, живописью Босха и Дали резко контрастировали с жестокой и страшной действительностью советской солдатской зоны. Свою внутреннюю жизнь К. облек в форму своеобразного эстетического протеста: по ночам он пишет свои тексты, изучает Средневековье, собирает материал для романа или вымышленной биографии художника И. Босха («**Сад страстей**»), понимая, что никто этого никогда не напечатает. Ощущение тяжелого творческого кризиса (1973–80) привело к безуспешной попытке овладеть конформистской реалистической манерой. После армии К. работает корреспондентом комсомольской газ. в Перми. Пытается написать фантазийный роман в новеллах «**Дитя и волшебство**», через 15 лет его фрагменты вошли в роман «**Блюстители неба**» (1987). В реалистической манере пишет повесть «**Рисунок на вольную тему**». Работает в кино сценаристом, в 1976 получает поощрительную премию Госкино за сценарий «**Каждый охотник желает знать, где сидит фазан**» (фильм снят не был). В 1980 К. переезжает в Москву, учится на Высших сценарных курсах при ГИТИСе. Он пишет радиопьесы, некоторые из них поставлены в России, Германии и Польше («**Ночные голоса**», 1984; «**Невесты револьвера**», 1990, и др.). В эти годы К. найдена своя творческая манера «экзистенциального повествования с элементами сюрреализма». В Перми, Екатеринбурге и Москве появляются книжные издания прозы К.: «**Страж западни**» (1982), «**Ожог линзы**» (1988) и др. Почти все они, по словам писателя, «искалечены эстетической цензурой». Всероссийская известность пришла к К. после опубликования в ж. «Нева» в 1990 повести о парке «**Гений местности**». Точкой отправления в ее написании стала пушкинская черновая страница с текстом и рисунками. В этой повести раскрылись мн. черты философско-эстетической программы К., его восприятия России как «своеобразного эстетического манифеста» русской жизни по «законам красоты должного». Более 7 лет (1988–95) К. работает над философско-интеллектуальным романом «**Эрон**» (Знамя. 1994; некоторые главы романа еще не опубликованы). «Эрон» — это «принципиальный черновик, тотальная импровизация», где свободно и активно «выговаривается» само Бытие в переплетении самых разных голосов и стилей — от газетной хроники до высоких текстов Библии. В каж-

дом романе К. присутствует провокативный элемент, авантюрное начало, игровая основа, филол. и философская культура. В романе «Голова Гоголя» (1992) писатель, призывая вслед за Достоевским «не отворачиваться!», говорит о «вине Текста перед Бытием». Гоголь в произведении — это своеобразный лит. прием, знак, провокативная фигура, «цель которой пробуждать мысль». Обращаясь к проблемам добра и зла, К. задумывается над вопросом, почему Бог допустил зло, улики которого неотвратимо видны в революционном терроре Великой французской революции и в эпохе сталинской тирании. Писатель оправдывает Бога, т. к. зло, по формуле Фомы Аквинского, всего лишь Им «пущено» и исходит не от Него, а является «недостатком Блага». В многожанровой структуре «Головы Гоголя» видны черты философских повестей, наподобие вольтеровских, в основе которых лежит приключение мысли о природе свободы и насилии как ее тени, а также элементы «документальной мифологии с оттенком черного юмора».

К. серьезно увлечен философией, в частности, работами М. Хайдеггера. Мн. философские мысли его в произведениях К. облекаются в худож. форму. Уроки лит-ры, по словам К., он берет у музыки, «учась синтезу», а также у живописи, «воспринимая у Дали его понимание традиции как вдохновляющего начала». В основе творчества К. лежит не анализ, а худож. синтез.

В 1998 опубликован интеллектуальный роман К. «Охота на ясновидца» — вариант романа «Змея в зеркале, которое прячется на дне корзинки с гостинцами в руке Красной Шапочки, бегущей через лес по волчьей тропе» (триллер «Змея в зеркале» напечатан в ж. «Дружба народов», 2000). Пространство романов К. закодировано разными пратекстами: сказками, античной мифологией, библейскими текстами, детективными и масскультовыми сюжетами и т. д. Почти каждое произведение К. вызывает острую дискуссию, в которой он сам принимает участие. Роман «Человек-язык» (2000) представляет собой игровой римейк сказки о красавице и чудовище (типа «Аленький цветочек» С. Аксакова), с одной стороны, и английского фильма «Человек-слон», с другой. По словам К., его роман — это «нравственная апория» — безысходность, в нем исследуется сущность милосердия. Все герои оказываются перед необходимостью выбора при встрече с несчастным маленьким уродом без возраста и имени, которого называют Муму. Писатель искал совр.

аналог русского идиота, кроткого юродивого. «Мой „человек-язык“ — это нечаянный камень, о который споткнулось само милосердие». Один из центральных героев романа врач Кирпичев не только приводит к себе домой Муму, но отдает ему свою красавицу-невесту в жены. Он впадает в «абсурд милосердия», тем самым доказывая, что милосердие не может быть беспредельным. Критики относят роман К. «к романам нового типа, не ангажированным ни идеологией, ни даже традиционной этикой», т. е. «в точном смысле слова — свободным, в первую очередь от классической книжной нравственности, которая для жизни негодна» (М. Золотоносов). Муму (Иван Иванович Иванов по паспорту) по разным версиям его судьбы в нескольких финалах романа погибает — физически или духовно. Он по своему желанию копает себе «ямку» (могилу) и добровольно умирает или, по др. версии, пропадает в лабиринтах московского «дна», а его милосердные благодетели погибают в автомобильной катастрофе. Есть в романе и сказочная версия финала — английская: по причудливой милости «бога-англичанина» Муму становится божком папуасов Йявага, «вялым, откормленным чудовищем, дегенератом с огромным языком», украшенным драгоценностями, «языкатым идиолом», т. е. оказывается на «том свете», вне российской жизни. Таким образом, милосердие счастья не принесло. Тексты романов К. красочно живописны, подчеркнута субъективны и подчас провокативны, вызывая множество вопросов у читателей и «острую реакцию критиков», не всегда готовых к восприятию и оценке подобных текстов. Следуя новому романному мышлению, К. демонстрирует на страницах своих текстов разные уровни творческой свободы. Самое важное для писателя — «внять языку Бытия». Философско-эстетическая позиция по-своему раскрывается в его лит.-худож. эссе, посвященных А. Пушкину («Пушкин и Фаворский. Иллюстрация как опыт исследования художественного текста», 1989), М. Булгакову («Между Христом и Сатаной», 1991), А. Белому, А. Солженицыну и др. В текстах эссе, как и в худож. прозе К., видна определенная парадоксальность, философичность, творческая субъективность, подчеркнутая филологичность и высокий уровень культуры. В 1990-е К. пишет на пушкинские темы: «Дама пик». Коллаж (1994); «Украденный шедевр». Эссе об одном замысле Пушкина (1997); «Бог играющий. Эссе о „Пиковой даме“» (1998); на гоголевские темы: «Носы». Коллаж по Гоголю и Валери (2000)

и др. В 1998 вышел 1-й т. «Избранного» К., удостоенный русско-итальянской премии «Москва–Пенне» (1999). Романы «Голова Гоголя», «Эрон», «Человек-язык» в разные годы были в списках произведений, выдвинутых на Букеровскую премию. К. член СП (с 1991) и международного ПЕН-клуба (с 1996). Романы «Голова Гоголя» и «Эрон» переведены на некоторые иностр. яз.

В 2003 был опубликован ранний сюрреалистический роман К. «Дракон». Издатель книги А. Бердичевская определяет его жанр «как бы немецким словом *жизнечеловеко-текст*. С картинками». Автор поместил текст романа в автобиографический и творческий контекст, включив в книгу предисл., собственные рисунки разных лет, программное для писателя эссе «Свобода и человек», множество фотографий из личного архива с комментариями и новомирскую рецензию Ю. Домбровского. В романе 2004 «**Быть Босхом**» К. впервые обратился к автобиографическому материалу — времени службы в дисбате дознавателем. Безжалостная жизнь советской солдатской зоны и фантастическая реальность картин и вымышленной герою жизни И. Босха зеркально отражаются друг в друге по силе проявления в них зла. В 2005 К. получил премию им. Ап. Григорьева за лучший роман года.

Соч.: Проза: Рисунок на вольную тему: повесть // Урал. 1970. № 4; Страж западни. М., 1984; Ожог линзы: Повесть, рассказы, роман. М., 1988; Блустители неба: роман. Пермь, 1992; Избранное. Однотомник прозы: Гений местности. Голова Гоголя. Эрон / предисл. К. М., 1998; Охота на ясновидца: роман. М., 1998; Голова Гоголя: роман. Дама пик. Носы: коллажи. М., 2000; Змея в зеркале. Интеллектуальный триллер // Дружба народов. 2000. № 10; Человек-язык: роман. М. 2001. Эссе и статьи: Пушкин и Фаворский: Иллюстрация как опыт исследования художественного текста: эссе. Контекст-1989. М., 1989; Гримаса Гегеля: эссе // Москва. 1991. № 1; Между Христом и Сатаной: Отрывок из эссе о романе Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Брак света и тьмы. Философия закатного романа» // Театральная жизнь. 1991. № 13–15; Архипелаг Солженицын: эссе // Basler Zeitung. Базель, 1998. № 298. Дек.; Человек и язык бытия / беседу ведет Елена Иваницкая // Дружба народов. 2002. № 1. Критика без литературы. По поводу статьи И. Роднянской «Гамбургский ежик в тумане» // Знамя. 2001. № 7; Классика Ru. Размышления осколка // НГ Ex libris. 2004. 18 нояб. С. 3.

Лит.: Шкловский Е. Ускользящая реальность // Лит. обозрение. 1991. № 2; Иваницкая Е. Неощутимость вечного // Лит. обозрение. 1991. № 8; Киреев Р. Обзор нетрадиционной прозы // Знамя. 1992. № 7; Архипов Ю. О пользе сравнений // Москва. 1993. № 1; Лакшин В. Берега культуры. М., 1994; Круглый стол: совр. проза // Вопр. лит-ры. 1995. Вып. 4; Зо-

лотоносов М. После бала: Культурологическая модель постсоветской культуры // Стрелец. 1995. № 1(75); Марченко А. Зовется вульгар... // Новый мир. 1995. № 4; Сердюченко В. Прогулка по садам российской словесности // Новый мир. 1995. № 5; Материалы обсуждения романа «Эрон» на кафедре русской лит-ры Пермского гос. университета // Знамя. 1996. № 9; Немзер А. Лит. сегодня. О русской прозе. 90-е. М., 1998; Нефагина Г. Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х XX в. Минск, 1998; Золотоносов М. Милосердие XXI в. // Московские новости. 2000. № 23. 13–19 июня; Роднянская И. Гамбургский ежик в тумане. Кое-что о плохой хорошей лит-ре // Новый мир. 2001. № 3; Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., 2002; Марьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2002; Шохина В. Патака, или Посторонний на корабле дураков // НГ Ex libris. 2004. 14 дек. С. 4.

Н. Н. Кякшто

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович [15(27).7.1853, Житомир — 25.12.1921, Полтава] — прозаик, публицист, критик, общественный деятель.

Отец писателя, Галактион Афанасьевич, был уездным судьей, известным кристальной честностью. К. унаследовал от него юридическую жилку, заметную во всех его общественных выступлениях. Отец умер в 1868, оставив семью без средств к существованию. Влиянию матери, Эвелины Иосифовны (урожденная Скуревич), дочери польского шляхтича, К. был обязан впечатлительностью и религиозным чувством.

Детство писателя прошло в Житомире и Ровно, куда семья переехала в 1866. Юго-Западный край отличался национальной и конфессиональной пестротой населения. В семье К. «мирно уживались, <...> две религии, две национальности и три языка» (Мякотин В. А. В. Г. Короленко. М., 1922. С. 4). Дети знали русский, польский и украинский яз., посещали православный и католический храмы и часто затруднялись с ответом на вопрос о национальности. Веротерпимость и абсолютная корректность К. в отношении к национальному вопросу были заложены в детстве.

Одним из важнейших гимназических впечатлений К. стала встреча с В. В. Авдиевым, определенным в 1869 в ровенскую гимназию преподавателем русского, чз. и словесности. К. отмечал впоследствии, что след этого человека осталась в его душе «переплетенным почти со всеми элементами <...> умственного и духовного роста» (РБ. 1908. № 2. С. 189). Во многом благодаря Авдиеву К. нашел свою